

Сентября 12 (25)

Мученик
Алексий (Ворошин)

Алексей Иванович Ворошин родился в 1886 году в семье благочестивых крестьян Ивана и Евдокии Ворошиных в деревне Каурчиха Юрьевецкого уезда Костромской губернии¹. Места эти известны тем, что здесь в XVI веке подвизался блаженный Симон Юрьевецкий². Усердная ли молитва Алексея к блаженному Симону, близость ли к месту подвигов его, но оказались сходны пути блаженного Симона и Алексея Ивановича, которого в местах его жизни почитают за праведность. Деревня Каурчиха расположена между ключиком блаженного Симона Юрьевецкого и селом Ёлнать: здесь, в Никольском храме, отец Алексея был старостой.

Когда пришло время Алексею жениться, он подыскал невесту и хотел было обречься с ней, но неожиданное обстоятельство изменило его намерение.

В те времена молодежь собиралась по деревням на беседы. Благочестивые люди смотрели на эти беседы неодобрительно. Были там и рассказы нецеломудренные, и вольное обращение, и веселье зачастую переходило границы христианского благочестия. И попросил Алексей свою невесту не посещать эти беседы, но девушка не послушалась благоразумного юноши. Задумался он: если, будучи невестой, она не послушалась, то что же будет, когда она станет женой. И глубже задумался – над временем, над происходящим вокруг. Чуткая душа ощущала, что рушилось устройство всей русской жизни, как бы кто могучей рукой расшатывал все ее здание. Началась Первая мировая война и она ударила по всему сокрушительно. На войну народ уходил одним – возвращался другим. И хотя война шла далеко и недокатчиво было поначалу ее эхо до глухих костромских деревень, но сердце твердило, что быть беде! И беде большой!

Отложил Алексей Иванович сватовство и пошел в Кривоезерскую пустынь. На левом берегу Волги, напротив древнего Юрьевца, расположилась старинная пустынь, основанная в XVII веке в память блаженного Симона Юрьевецкого. С трех сторон окружена она озерами, с четвертой – песчаными возвышенностями. Два чудотворных образа в пустыни – Иерусалимской Божией Матери, с которым каждый год ходили с крестными ходами, и священномученика Антипы³.

Троицкая Кривоезерская пустынь

Настоятель монастыря принял юношу послушником. В течение года Алексей Иванович присматривался к порядкам в монастыре и его уставу.

Вернувшись домой, он не стал жить в родительском доме, а поместился в баньке. Вскоре они с отцом поставили на огороде келью. Все свободное время Алексей отдавал молитве, уединяясь для этого или в своей келье, или на ключике блаженного Симона. Вода здесь стекает по склону глубокого оврага, поросшего со всех сторон густым лесом, надежно укрывавшим от посторонних глаз.

Наступил март 1917 года, рухнули вековые устои государственной жизни России, и эхо от этого падения покатило по всей земле русской.

Дом в деревне Каурчиха, где родился блаженный

Не было в дореволюционной России на каждую деревню исправника, не стояла полиция по селам, да и власти государственной в селах и деревнях не было, а собирались крестьяне на мирские сходки и вопросы мира решали сами. Но появилась в Петрограде новая власть и слала указы, чтобы и в селах образовывали такую же власть, сельсоветы. А власть, если уж и должна быть какая, то не иначе, как справедливая, святая. И кому и быть тогда председателем сельсовета, как не Алексею Ивановичу. Став председателем, он не переменял своих обычаев – по-прежнему много молился, посещал церковные службы, и если приходилось решать какие сельские вопросы, то он решал их не выходя из храма.

Через год в село приехал председатель сельсовета, назначенный из города, и Алексей Иванович, оставив эту должность и почти всякое соприкосновение с миром, уединился в своей келье, целиком отдавшись подвигу поста и молитвы. Так прошло девять лет.

В 1928 году он принял подвиг юродства. Теперь блаженный жил, где придется, одевался в лохмотья, никто не знал, где он ночует, и всегда его появление было для крестьян неожиданностью.

То вдруг возьмет и в самый разгар крестьянских работ начнет ходить по полям, меряя их палкой и мешая работе. Видя его нелепое поведение, крестьяне смеялись на нем, но он не обращал на это внимания. Рассерженные, они стали гнать его, блаженный уходил, а затем возвращался и все повторялось сначала. Прошел год, и на этих полях появился советский чиновник, и все тогда вспомнили Алексея Ивановича.

Еще никто из крестьян не знал, что будут высылать, да и понять это было трудно, – как это тебя из твоего собственного дома без какой бы то ни было вины выгонят, – а блаженный уже ходил по селам и предупреждал тех, кто будет

выслан. Ко многим его странностям привыкли за год крестьяне, но такого еще не было. Голый идет Алексей Иванович по Парфенову, направляясь в гости к торговцам-сапожникам Александру Степановичу Таламанову и Дмитрию Ивановичу Солодову. Дивились такому событию крестьяне, дивились торговцы. Немного прошло времени, и в село приехали представители властей и вывезли имущество торговцев до последней ложки и исподнего белья. Раздетые стояли хозяева у своих домов, которые им теперь не принадлежали, не имея права ничего из них взять.

Бывало, придет блаженный в какое-нибудь село, выберет дом и начинает его мерить. Суетится, считает. И так намеряет, такую назовет несуразную цифру, что ни под какой размер не подходит. Окружающие смотрят, смеются. Но проходит время, и хозяина дома арестовывают и дают ему срок – столько лет, сколько названо было блаженным.

Зима. Небо сверкает пронзительной голубизной, ослепительно сияет солнце, плывут по небу чуть розоватые облака. И только дорога темнеет посреди белоснежных полей.

Пустынен в этот час путь. Лишь нужда погонит кого из дому. Одиноко выделяется фигура блаженного, который поспешно идет по дороге в деревню Середкино. Без единой тряпицы на теле, направляясь к дому, где живет Анастасия с мужем Геннадием. Взошел на крыльцо, легонько постучал. Анастасия открыла и едва с кулаками не бросилась:

– У, бесстыдник! Да когда же ты прекратишь нас позорить!

– Молчи, баба, – остановил ее Геннадий и пригласил Алексея Ивановича в дом, а затем, повернувшись к жене, строго, серьезно сказал:

– Дай ему самую лучшую одежду, какая у нас есть.

Одежда была принесена, Алексей Иванович оделся, распрощался с хозяевами и вышел на улицу. Здесь, неподалеку от крыльца, он разделся, аккуратно сложил на снегу одежду и пошел из деревни; долго недоумевали хозяева, обнаружив ее. А в конце зимы пришли представители власти выгонять их из дома. Выгнали в нижнем белье, не разрешив взять даже легкой одежды.

Вспомнила теперь Анастасия блаженного:

– Да что же он прямо тогда не сказал! – сокрушалась она.

В другой раз Алексей Иванович пришел к сестре Анне. И не говоря ни слова, стал собирать вещи. Ходил по комнатам, что-то разыскивал, а что находил, складывал на стол. И как набрался полный стол, он схватил шапку и убежал. Поняла Анна, что это какой-то знак, предвестие, что эти вещи надо отдельно хранить, и спрятала их подальше; когда пришла комиссия и отобрала имущество, только эти вещи и сохранились.

Любил блаженный заходить в лесное село Селезенево, любил бывать в Парфенове, бочком спускающемся к реке Ёлнать. Здесь в одном доме он хранил мешок с книгами. Заходил блаженный к Бобковым – посидеть, чаю попить, отдохнуть. Но однажды, войдя в дом, Алексей Иванович не сел за стол и чай пить не стал, а забрался на печку. Лежит он на печи и молчит. Молчат и хозяева – привыкли уже здесь к его странностям. Полежав некоторое время, он сошел вниз, вышел на крыльцо, сел на верхнюю ступеньку и сидя спустился по лестнице. Затем взобрался на стоящую во дворе телегу и лег. Лежал и чуть слышно стонал. Долго ли он так лежал – неизвестно, но когда вышли посмотреть, его уже не было.

Через две недели хозяйка дома, вынимая из печи большой чугунок с кипятком, опрокинула его весь на себя и обварилась так, что не могла идти. С крыльца ей пришлось сидя спускаться, а уже внизу ее подняли и положили на телегу, и часа два еще она пролежала, прежде чем отвезли в больницу.

Приняв подвиг юродства, блаженный теперь молился стоя на паперти. В это трудное время старостой храма, по единодушному решению прихожан, был избран Павел Иванович Байдин. Он родился в селе Ёлнать в благочестивой крестьянской семье. Когда вырос, крестьянствовал в своем хозяйстве, а когда его отобрали, стал работать в колхозе. И странно ему было видеть, как многие из ничего не знающей, не имеющей опыта жизни молодежи, назначенные начальниками, не жалеют ни людей, ни скотину, ни землю.

Однажды во время службы вошел в храм блаженный Алексей – на голове шапка, в зубах папироска. Он пошел по храму, заложив руки за спину, не обращая ни на кого внимания. Прихожане растерялись. Прошло время... и власти распорядились закрыть храм. Призвали Павла Ивановича и потребовали от храма ключи. И не то чтобы нужны были эти ключи сельсовету, но храм надо было закрыть как бы по желанию верующих, а для этого получить ключи добровольно.

Павел Иванович отказался отдать безбожникам ключи от святыни, за что был арестован и заключен в Кинешемскую тюрьму. Будучи уже в преклонном возрасте, он не перенес тягот следствия и скончался. Тело исповедника было отдано родственникам и погребено на кладбище села Ёлнать.

После ареста старосты храм закрыли, и по нему дерзко расхаживали рабочие в шапках, с папиросами в зубах. Дым и чад стояли в оскверненном храме – власти перестраивали его под клуб.

Видя странное поведение Алексея Ивановича, многие гнали его и смеялись над ним. По деревне он шел, бывало, сопровождаемый мальчишками, всячески старавшимися ему досадить. Ходил блаженный всегда в одном и том же длинном кафтане до колен, а если ему дарили какую одежду, он тут же ее отдавал.

Несколько раз власти арестовывали Алексея Ивановича и направляли в костромскую психиатрическую больницу, но всякий раз врачи признавали его здоровым и отпускали.

Однажды шел Алексей Иванович вскрай поля. Погода стояла тихая, небо безоблачное. Мужики с бабами жали на поле лен. Остановился блаженный неподалеку от мужиков и вдруг, показав на небо и сокрушенно покачав головой, серьезно, громко сказал:

– Ой, молитесь Богу! Ой, как загремит! Как загремит! Молитесь Богу!

И ничего не поясняя – дальше пошел. А мужики это вспомнили, когда началась Финская война и их взяли на фронт.

Задолго до массового закрытия и разрушения церквей блаженный Алексей многим говорил, что наступит время, когда в России почти все храмы будут закрыты, но Господь пошлет лютую кару, войну, и люди очнутся, и часть храмов снова будет открыта. Но тоже ненадолго: в 60-м году наступит новое гонение, снова будут закрывать храмы, и все истинно верующие понесут тогда много скорбей.

Не скрыты были от блаженного и обстоятельства его кончины. За пятнадцать лет до своей смерти подошел он как-то к сестре Анне и сказал:

– А ты мне лапотки приготовь.

– Так возьми, – ответила она, не поняв, что не о настоящем часе он говорит.

Через пятнадцать лет именно ей пришлось покупать лапти, в которых блаженный был положен в гроб.

Анне Беземировой из Каурчихи, когда та была еще ребенком, блаженный говорил:

– Дай четверть, дай четверть...

– Что такое Алексей Иванович говорит?.. – смущалась девочка.

Объяснилось это через много лет, когда она вышла замуж за пьяницу, который частенько повторял те слова.

В 1931 году выслали Николая Васильевича, тестя Дмитрия Михайловича (племянника Алексея Ивановича). Был он уже в преклонных летах, и семья не чаяла его увидеть живым.

Как-то пришел Алексей Иванович к племяннику. Дома была только жена его Анна Николаевна.

Блаженный не любил быть без дела и здесь быстро нашел себе занятие и, казалось, весь в него погрузился, не говоря ни слова; Анна Николаевна уже и забыла, что он здесь. А блаженный вдруг поднял голову и как бы невзначай, между делом, спросил:

– Коля не собирается домой?

– Какой Коля? – не поняла она.

– Да папа, – просто ответил блаженный.

Та от неожиданности руками всплеснула.

– Да что ты, дядя Леша, разве он может теперь с Урала приехать?

– А может быть... может быть... – задумчиво покачал головой блаженный.

Через день Николай вернулся домой.

Когда у Анны Николаевны родился сын, то поскольку дело было перед зимним Николаем, младенца решили назвать Николаем.

Алексея Ивановича пригласили быть крестным, он согласился. Запрягли лошадь и отправились в церковь – крестить. Блаженный не поехал, пошел по своему обыкновению пешком. Младенца крестили; через два дня собирались праздновать день его Ангела. Не заметили, как появился в этот день в доме своего крестника Алексей Иванович. Молча вошел, постоял и, ни слова не говоря, лег на пол, руки сложил на груди и лежал тихо, будто и впрямь неживой.

С недоумением и растерянностью глядели родные на Алексея Ивановича. Но он так же тихо ушел, ничего не сказав. И забыли про это Анна Николаевна с мужем. Вспомнили только через сорок два года, когда Николай был найден мертвым в городском саду Кинешмы, и они увидели его лежащим в той самой позе, в какой лежал когда-то блаженный.

Идет блаженный Алексей по дороге и молитву поет. Впереди пустая дорога, и позади – никого. Но знает уже блаженный, что скачет на лошади вслед за ним племянник его, Николай. Из родных он был ему ближе всех. С малолетства был рядом – и когда блаженный в отдельной келье подвизался, и когда был председателем сельсовета... А теперь и сам Николай председатель сельсовета в Жуковке. И принуждают его власти, чтобы он закрыл храм, будто по желанию верующих. Но знает блаженный, что не закроет племянник храма, устранился от этого дела и даже на краткое время в тюрьму попадет.

Блаженный Алексей

Потом будет война, война страшная – и в каких только смертельных обстоятельствах не придется ему побывать, и везде молитва дяди его оградит. Перед самой отправкой на фронт блаженный Алексей явится ему – уже после кончины своей – и скажет:

– Не бойся, Коля, я всегда буду с тобой.

Вернувшись после войны домой, Николай задумает развестись с женой, и ему снова тогда явится блаженный. Возьмет его за руку, подведет его к двери комнаты, откроет ее, и за нею он увидит свою жену. Показывая на нее, блаженный скажет:

– Вот, это я тебе жену привел.

И вслед за этим исчезнет. Исчезнут и у Николая мысли оставить жену. Впрочем, до всего этого было еще долго, шел только 1936 год.

Скачет Николай по пустой дороге. Смотрит, кто-то знакомый впереди. Уж, не дядя ли? Давно он, занятый сельсоветскими делами, его не видел. Видно, неспроста эта встреча.

Приблизился, ход замедлил. Молча пошли. Николай молчит – что он блаженному может сказать? И блаженный молчит. И вдруг, как бы перебивая ход собственных мыслей, Алексей Иванович спросил:

– А ты, Коля, придешь меня хоронить?

– А ты разве собираешься умирать? – удивился тот. И было чему – Алексею Ивановичу едва минуло пятьдесят, был он крепок и ничем не болел.

Глянул на него блаженный взглядом таким, точно желал, чтобы Николай навсегда эту встречу запомнил. А затем махнул рукой и сказал:

– Да нет, какой умирать! – и быстрее зашагал.

Через год Николай нес гроб с телом Алексея Ивановича на кладбище.

Приближалось двадцатилетие сокрушения российской государственности. Шли аресты. Алексей Иванович знал, что ареста ему на этот раз не миновать и из тюрьмы не выйти. И хотел он в последний раз пойти попрощаться с домом, с родными.

Собрав скудное свое имущество в мешок, он направился в Каурчиху. Кругом поля, лес далекий, не видный с дороги глубокий овраг, источник блаженного Симона Юрьевоцкого, Ёлнать переливается серебряными блестками. Перейдя неглубокий овражек, Алексей Иванович подошел к дому. На огороде стояла его келейка – пустая теперь, нежилая, в родительском доме Дмитрий Михайлович и Анна Николаевна с детьми. Это был май 1937 года. Благоуханием и пением птиц разливалась над землей весна.

Увидев на плече Алексея Ивановича мешок, Анна Николаевна спросила:

– Ну, Алексей Иванович, совсем приходишь к нам жить?

Тот ничего не ответил, выложил из мешка вещи, распорядился, кому что отдать.

Почувствовав необыкновенное, притихли домашние.

А блаженный вплотную сел к печке, голову к ней прислонил и тихонько запел:

В воскресенье мать-старушка к воротам тюрьмы пришла.
Своему родному сыну передачу принесла...

Анна Николаевна руками всплеснула:

– Ой, Алексей Иванович, опять ты эту песню запел, опять, наверное, будут гнать?..

Пообедали вместе, затем блаженный, помолился, низко-низко поклонился домашним и сказал:

– За все я вам заплачу, Дмитрий Михайлович, за все я вам заплачу! – И прибавил: «Чай придешь меня хоронить-то?»

– Да что ты, дядя Леша, про похороны; я еще раньше тебя умру.

– Нет, придешь! – уверенно ответил блаженный.

И еще до утра они разговаривали, а утром Алексей Иванович попрощался и отправился в Парфенове, где его уже поджидали, чтобы арестовать.

Камеры Кинешемской тюрьмы в те годы были переполнены избыточно – священники и монахи, старосты храмов и подвижники благочестия, верующие женщины, не пожелавшие отдать в безбожную колхозную упряжку ни себя, ни детей, и дети, по голодной колхозной жизни пытавшиеся прокормиться колосками с колхозного поля. И разорявшие страну коммунисты, и коснеющие в преступлениях воры, и закоренелые убийцы. Все они были перемешаны и втиснуты в камеры. Алексея Ивановича поместили к преступникам. Эти камеры были подобны вавилонскому плену, китову чреву, и блаженный молился теперь днем и ночью. Никто не знал, когда он спал и когда ел, скудный свой паек он почти весь раздавал.

– Дедушка, да ты, наверное, кушать хочешь? – спрашивали его сокамерники.

– Кушайте, кушайте, это все для вас, – отвечал Алексей Иванович. Обвинить блаженного было не в чем, и следователи, чтобы он оговорил себя, прибегали к пыткам – ставили его босыми ногами на раскаленную плиту.

Вскоре молва о странном узнике облетела тюрьму, и ее начальник пришел во время допроса поглядеть на блаженного.

– Все говорят, что ты святой, – сказал он, – ты что скажешь?

– Ну, какой я святой. Я грешный, убогий человек.

– Это правильно. У нас святых не сажают. Святые преступлений не совершают, а если посадили, так значит есть за что. Тебя за что посадили?

– Так Богу угодно, — кротко ответил блаженный.

Наступило молчание, которое сам же Алексей Иванович прервал:

– Что ты со мной говоришь, когда у тебя дома несчастье!

Начальник тюрьмы удивился, но домой не поспешил, а когда пришел, то увидел, что жена его повесилась. С этого времени он стал искать случая отпустить блаженного на свободу.

Но Господу было угодно, иное. Измученный пытками, пробыв чуть более месяца в следственной камере, блаженный Алексей попал в тюремную больницу и здесь скончался.

Тело его на тринадцатый день было отдано родственникам и погребено на одном из кладбищ города Кинешмы.

12 (25) сентября 1985 года честные останки блаженного были перенесены в храм села Жарки. В настоящее время мощи блаженного находятся в Свято-Введенском женском монастыре города Иванова.

*Свято-Введенский женский монастырь, г. Иваново.
Рака с мощами блаженного Алексия*

Игумен Дамаскин (Орловский)
«Мученики, исповедники и подвижники благочестия
Русской Православной Церкви XX столетия.
Жизнеописания и материалы к ним. Книга 2»
Тверь. 2001. С. 329-340

Примечания

---

¹ Ныне Юрьевецкий район Ивановской области.

² Блаженный Симон скончался в 1584 году и был похоронен в Юрьевецком Богоявленском монастыре, с 1741 года ставшем приходской церковью. Блаженный при жизни и по кончине прославился множеством чудес. В 1635 году патриарху Иосифу было послано житие блаженного Симона, написанное по рассказам людей, знавших блаженного. Патриарх благословил "ради терпеливого жития и чудес блаженного Симона... написать лик его иконным писанием на доске, с сиянием вокруг головы... и почитать его с прочими святыми". Службы блаженному Симону сначала правили по общей Минее, а с 1666 года по особо составленной. В 1722 году город Юрьевец посетил архиепископ Нижегородский Питирим, к епархии которого тогда относился город. Он обратил внимание на гробницу блаженного Симона и запретил отправлять ему службы как святому, а приказал петь по нему панихиды, забрав с собой и житие. В 1741 году снова стало обсуждаться в Святейшем Синоде дело о блаженном Симоне, ввиду обнаруженных иконописных изображений праведника. Чем кончилось дело, осталось неизвестным, потому что все документы, к нему относящиеся, хранились в консисторском архиве в Костроме и были уничтожены пожаром 1887 года. В середине XIX века само собой возродилось почитание блаженного, нашли список его жития и составленную ему службу. Был открыт доступ и к самой гробнице. Во время гонений от безбожников храм был закрыт, а здание отдано под музей. В настоящее время храм возвращен Русской Православной Церкви.

³ В тридцатых годах на этом месте была сеть концлагерей, заключенные которых строили плотины и каналы на Волге. Ныне Кривоезерская пустынь и часть города Юрьевца затоплены.